

9. Скуратов Ю.И. Парламент и Президент в Российской Федерации // Конституционный строй России. Вып. 2. - М.: Институт государства и права РАН, 1995.
10. Румянцев О.Г. Конституционные основы республиканской формы правления и принципа разделения властей в Российской Федерации // Конституционное совещание. 1994. № 4.
11. Тасалов Ф. «Палата-невидимка» в XXI веке: возможно ли реформирование Совета Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2011 № 1 (80). С. 33–46.
12. Шаблинский И. Г. Эволюция политического режима в России: конституционные основы и неформальные практики. - М.: ТЭИС, 2014.

ДЕЙНЕКО Алексей Геннадьевич

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, кафедра гражданского права и публично-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент (115035, Москва, ул. Садовническая, 52/45 e-mail: alexey-deyneko@mail.ru) SPIN-код: 8899-7709 AuthorID: 704121

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЦИФРОВОЙ ФЛИБУСТЬЕР

Ключевые слова: авторское право, Интернет, искусственный интеллект, цифровое пиратство, киберпространство, веб 3.0

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос об авторско-правовой субъектности искусственного интеллекта, а также об изменениях в парадигме цифрового пиратства, произошедших в связи с развитием Интернета и цифровых технологий. Исследуются новые способы распространения объектов авторских прав в киберпространстве с использованием искусственного интеллекта. В заключении ставится вопрос о степени разумности искусственного интеллекта и влиянии этого фактора на правовое регулирование отношений, связанных с его функционированием.

Последние годы ознаменовались бумом гуманитарных исследований, посвященных широкому распространению технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) и различным аспектам ее функционирования. Во многом это обусловлено совершенствованием технологии ИИ, появлением у высокоавтоматизированных роботов если не высших когнитивных и творческих способностей, то, по крайней мере, вычислительной мощности в невиданных ранее масштабах. Это подталкивает экономистов, социологов и футурологов к размышлениям на тему о том, когда и какие

профессии будут заменены такими роботами⁹², а юристов – о том, не пора ли наделять носителей ИИ гражданской правосубъектностью.

В числе подобных инициатив встречаются предложения о выделении наряду с физическими и юридическими лицами нового концепта «электронного лица»⁹³, и более радикальные предложения о приравнивании ИИ в правовом режиме к физическому лицу. Речь идет, безусловно, о достаточно вольном подходе к осмыслению норм гражданского законодательства, в противном случае следовало бы согласиться с отечественными цивилистами в том, что согласно действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации «умные роботы» могут выступать либо как особая разновидность вещи (с перспективой введения специального правового режима «умной вещи»), либо как электронное средство реализации гражданских прав и обязанностей, либо как результат интеллектуальной деятельности (программа для ЭВМ)⁹⁴.

Во всех перечисленных вариантах ИИ не претендует на правосубъектность и рассматривается как объект гражданских прав или как способ их осуществления. В рамках настоящей статьи хотелось бы рассмотреть принципиальную возможность постановки вопроса о признании за ИИ авторско-правовой субъектности, в первую очередь, в контексте возможного признания ИИ автором произведения.

⁹² В числе первых «кандидатов на увольнение» - профессии сферы услуг с невысокой квалификацией: таксисты, курьеры, охранники, продавцы в магазинах и др. – прим. авт.

⁹³ Данные инициативы, впрочем, значительной частью исследователей расцениваются, как преждевременные – см. напр., *Наумов В.Б., Незнамов А.В., Смирнова К.М.* Развитие законодательства о робототехнике и киберфизических системах // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: Сб. науч. трудов / Под ред. Поляковой Т.А., Наумова В.Б., Минбалесова А.В. М.: ИГП РАН, 2018. С. 52-64.

⁹⁴ *Сурагина Е.Д., Ибрагимов Р.* Гуманитарный подход к регулированию искусственного интеллекта // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: Сб. науч. трудов. С. 210-231.

Если оттолкнуться от этой гипотезы, то на первый план выходят вопросы о том, какой объем имущественных (исключительных) прав может быть закреплен за ИИ или его собственником, а также может ли ИИ выступать в качестве носителя личных неимущественных прав. Технический прогресс буквально подталкивает правоведов к этому шагу: широко известны и популярны у публики роботы-композиторы, роботы-архитекторы, роботы-художники и т.п. При этом надделение ИИ любым из перечисленных правомочий неизбежно породит куда более сложные вопросы о порядке осуществления таких прав и их защиты в случае нарушения.

Современная доктрина авторских прав содержит ряд весьма сложных в толковании положений даже, когда речь идет о физическом лице, претендующем на «звание» автора произведения.

Так, критерий оригинальности произведения вовсе не означает объективную новизну, и в эпоху цифровых фотографий и социальных сетей сводится на практике к критерию творческой деятельности по созданию произведения⁹⁵.

Поэтому, например, любительское фото Московского Кремля, сделанное туристом, и неотличимое от миллиона таких же фотографий, следует признавать оригинальным, а фотографии того же Кремля, сделанные пролетающим над ним на высоте в несколько сотен километров спутником, не будут признаны охраняемым объектом авторских прав. Объекты, внешне похожие на произведения искусства и созданные ИИ, на данном этапе развития законодательства вынуждены будут, по-видимому, разделить судьбу спутниковых

⁹⁵ В авторском праве США широко известна доктрина «sweat of the brow», дословно означающая «пот бровей» и ставящая на первый план необходимый объем, а не глубину творческих усилий лица, создающего потенциальное произведение, но и она в ряде судебных прецедентов последних лет ставится под сомнение.

фотографий, рентгеновских снимков и томографий⁹⁶.

Как известно, нет прав без обязанностей, и нет обязанностей без прав⁹⁷. Эта парадигма в полной мере относится и к ИИ. Если результатом дискуссии о правовом регулировании отношений, связанных с функционированием ИИ, станет его признание в качестве субъекта гражданских и, в частности, авторских прав, это потребует решения вопроса о реализации обязанности ИИ соблюдать авторские и смежные права.

Можно согласиться с исследователями информационного права, утверждающими, что ИИ не может в полной мере реализовать такой обязательный признак субъекта права, как воля, и в этом смысле отношение ИИ к реализации мер государственного принуждения в случае нарушения им норм права, носит как минимум, неоднозначный характер⁹⁸. Следует отметить и такой парадокс: с одной стороны, действующие законы очевидно, не отвечают вызовам и реалиям робототехники, а с другой стороны, право по-прежнему остается консервативной системой, чей багаж не может быть игнорирован⁹⁹.

Может показаться, что проблема носит сугубо теоретический характер, а между тем на практике встречаются случаи, когда ИИ становится «подельником» человека в нарушении авторских прав. Одним из известных

⁹⁶ Здесь мы используем оборот «внешне похожие на произведения искусства» не в уничижительном, а в сугубо юридическом смысле.

⁹⁷ Маркс К. Временный Устав Международного Товарищества Рабочих // «Address and Provisional Rules of the Working Men's International Association, Established September 28, 1864, at a Public Meeting held at St. Martin's Hall, Long Acre, London» - London, 1864.

⁹⁸ Яценко В.А. Теория искусственного интеллекта (основные положения) // Математичні машини і системи. 2011. № 4. С. 3-19. Цит. по: Чубукова С.Г. Система субъектов информационного права: теоретические аспекты // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: сб. науч. трудов. С. 113-137.

⁹⁹ Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН, 2017. № 6 (55). С. 46-62.

нам примеров является деятельность т.н. «чат-ботов» в различных мессенджерах, предоставляющих любому пользователю нелегальный доступ к охраняемому контенту¹⁰⁰. Сегодня такие чат-боты предоставляют доступ к литературным произведениям (электронным книгам), но принцип их действия позволяет распространять любые виды произведений, охраняемые Четвертой частью Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁰¹. Все, что требуется от человека – знать адрес (гиперссылку) чат-бота, написать ему запрос в свободной форме (по имени автора или наименованию произведения) и получить в ответ ссылку для скачивания произведения. Единственным критерием, однозначно свидетельствующим о невозможности использования произведения в деятельности таких чат-ботов, является принципиальная невозможность перевода самого произведения в электронную форму¹⁰².

На первый взгляд, деятельность чат-ботов похожа на функционирование поисковых систем, для которых ст. 1253.1 ГК РФ устанавливает особый правовой статус информационных посредников. Логическая конструкция данной статьи предполагает существование некоего оператора информационной системы в смысле п. 12 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁰³ (далее –

¹⁰⁰ Вид мессенджера в данном случае не имеет принципиального значения.

¹⁰¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23 мая 2018 г.) // СЗ РФ. 25.12.2006, № 52 (ч. 1), ст. 5496.

¹⁰² К объектам авторских прав, которые не могут быть переведены в электронную форму «как есть» относятся драматические и музыкально-драматические произведения, произведения декоративно-прикладного и сценографического искусства, произведения архитектуры и градостроительства. Для их использования в цифровой среде необходим перевод в некую промежуточную форму – фотографического, литературного или аудиовизуального произведения, в результате чего могут возникать новые объекты авторских прав.

¹⁰³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, ин-

Закон об информации), постоянно поддерживающего работу системы. Согласно Закону об информации, это может быть как физическое, так и юридическое лицо, и именно к этому лицу в соответствии с п. 4 ст. 1253.1 ГК РФ может быть предъявлено требование правообладателя об удалении информации, нарушающей исключительные права, даже при отсутствии вины.

Данная правовая конструкция при всех терминологических недостатках¹⁰⁴ видится разумным компромиссом между развитием поисковых систем и защитой исключительных прав в киберпространстве. Если применить аналогию, то легко увидеть, что владелец дачного забора не должен нести ответственности за действия хулиганов, написавших на этом заборе непечатное слово, однако к нему, исходя из общественных интересов, могут быть предъявлены требования о закрашивании этой надписи.

Вместе с тем, принципиальным отличием чат-ботов от поисковиков является более высокий уровень их автономности и фактическое отсутствие лица, которого можно было бы признать информационным посредником. По сути, речь идет о единожды запущенной в мессенджере самообучающейся программе для ЭВМ, которая может все «свободное время» тратить на поиск в киберпространстве нового контента, его индексацию с целью расширения каталога произведений. Программа может быть также оснащена возможностями расширения своих вычислительных мощностей, обучения противодействию разного рода блокировкам, верификации контента и прочим навыкам, характерным для ИИ. Этот чат-бот будет функционировать до тех пор,

---

формационных технологиях и о защите информации» (ред. от 30.12.2020 г.) // СЗ РФ. 31 июля 2006 г., № 31 (ч. 1), ст. 3448.

¹⁰⁴ Нами, в частности, обращалось внимание на использование трудноразличимых терминов «материал» (в ГК РФ) и «информация» (в Законе об информации), приводящее к смешению гражданско-правовых и информационно-правовых механизмов.

пока не исчезнут все экземпляры электронных книг или пока не прекратится работа мессенджера. Как показывает практика, принудительно добиться ни того, ни другого современные государства не в силах.

Для лучшей иллюстрации изменений в парадигме цифрового пиратства, произошедших с вовлечением в данную сферу ИИ, кратко проследим эволюцию цифрового пиратства и борьбы с ним. В эпоху «Веб 1.0»¹⁰⁵, предполагающую разделение немногочисленных еще пользователей Интернета на меньшинство, создающее веб-страницы и размещающее на них различный контент, и большинство, пассивно потребляющее этот контент, отношения в киберпространстве носили довольно линейный характер. Пиратство впервые перешло от физических носителей к электронным экземплярам произведений, но с учетом уровня техники 1990-х – начала 2000-х практически любое нарушение авторских прав устранялось путем блокировки интернет-сайта, а технология подключения к Интернету путем «дозвона» (*dial-up*) по обычному телефонному кабелю значительно облегчала идентификацию нарушителей. С переходом Всемирной Паутины на концепцию «Веб 2.0» значительно расширяется круг лиц, способных публиковать контент в Интернете. Появляются блоги, и как следствие – социальные сети, кратно увеличиваются количество пользователей Интернета, скорость и объем передаваемого трафика.

Поворотным моментом для цифрового пиратства становится возможность опережать блокировки, создавая «двойники» - «зеркала» пиратских интернет-сайтов, размещая серверные мощности на территориях третьих стран, более лояльных к нарушению исклю-

---

¹⁰⁵ Подробнее о технологической и семантической сущности понятий «веб 1.0», «веб 2.0» и «веб 3.0» - см. [Электронный документ] URL https://ru.wikipedia.org/wiki/Веб_1.0; https://ru.wikipedia.org/wiki/Веб_2.0; https://ru.wikipedia.org/wiki/Веб_3.0

чительных прав, а также всевозможные технологии анонимизации пользователей, размещающих и скачивающих контент. Российский законодатель упрощает и ускоряет процедуры блокировки интернет-сайтов, делает возможным одновременную блокировку «зеркал»¹⁰⁶, а также вводит в ГК РФ конструкцию информационного посредника, рассмотренную выше.

На этом этапе развития технологий становится очевидно, что количество нарушений авторских и смежных прав, ежесекундно происходящих в киберпространстве, попросту не поддается исчислению. Актуальными становятся вопросы не о том, как наказать всех нарушителей копирайта, а о том, как снизить количество нарушений¹⁰⁷. Можно сказать, что сложившаяся к этому моменту ситуация является симулякром: законодатель всячески обозначает заинтересованность в борьбе с цифровым пиратством, следуя призывам «профессиональных правообладателей», а цифровые пираты формально находятся вне закона, но фактически продолжают свою деятельность, постоянно совершенствуя каналы взаимодействия с потребителями контента. В результате утверждать о сколько-нибудь значимом снижении количества нарушений авторских прав в киберпространстве пока не приходится, а рост доступности Интернета и числа

¹⁰⁶ См. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // «Российская газета» № 148 от 10 июля 2013 г.; Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Российская газета» № 295 от 30 декабря 2013 г.; Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. №364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 27 ноября. № 270

¹⁰⁷ В числе наиболее эффективных, по нашему мнению, решений, следует назвать снижение сроков охраны авторских прав, развитие научно-образовательных площадок с открытым доступом к знаниям, расширение применения институтов свободных лицензий и общественного достояния.

мобильных устройств заставляет, скорее, поверить в обратное¹⁰⁸.

С переходом к эпохе «Веб 3.0», последствия которой человечеству еще предстоит осознать, в повседневный обиход входят термины «интернета вещей» и «больших данных», означающие кратный рост устройств, не просто подключенных к сети Интернет, но и производящих в этой сети значительные массивы информации. То обстоятельство, что объемы этих данных уже превысили объемы информации, созданной человеком, способно стать очередным поворотным моментом в эволюции цифрового пиратства. Иными словами, если на заре Интернета постепенно исчезли физические носители контрафакта, то сейчас мы наблюдаем исчезновение физических лиц – нарушителей копирайта, иными словами – *роботизацию пиратства*. Представляется, что эта роботизация в равной степени стала следствием и технологического прогресса, и правовой политики развитых стран по борьбе с пиратством.

В заключение хотелось бы остановиться на проблеме оценки разумности ИИ в контексте его возможной правосубъектности. Со времен «великой Кантовской революции» критерий разумности является одним из важнейших критериев признания индивида в качестве субъекта прав, носителя субъективных прав и обязанностей¹⁰⁹. Во многом, именно разумность, как качество человека, вставшего на определенную ступень биологической и социальной эволюции, лежит в основе и естественно-правовой теории, и позитивистской теории права¹¹⁰.

¹⁰⁸ Следует отметить, что привычными для юридической статистики методам анализа судебной практики (например, гражданских и уголовных дел о нарушении авторских прав) вряд ли стоит доверять в этом случае, поскольку показатели невыявленных нарушений в нашем случаекратно превышают количество выявленных.

¹⁰⁹ Кант И. Сочинения в 4-х т. – М.: Мысль, 1994-2001.

¹¹⁰ В этом смысле разумный индивид лежит в основе не только учения

Известный российский философ, профессор С.П. Шевцов, исследуя разум как универсальную предпосылку возникновения права, характеризует его, как индивидуальную свободу от биологических программ (инстинктов, рефлексов и т.п.)¹¹¹. Если следовать этому весьма точному, на наш взгляд, подходу, то ИИ как никто другой свободен от биологической природы, поскольку она у него попросту отсутствует, и в этом смысле ИИ следует считать в высшей степени разумным индивидом.

Но отсутствие рефлексов и инстинктов у ИИ не должно вводить нас в заблуждение, как и впечатляющие показатели вычислительной мощности отдельных образцов. На первый план в данном случае выходит не «количество» разумной деятельности потенциального субъекта права, а «качество» этой деятельности, ее творческая составляющая и в некотором смысле, способность к абсурдным и нелогичным решениям. В противном случае и само киберпространство следует в духе неокантианцев признавать носителем коллективного разума – самого большого из известных человечеству.

Разумность, как органическое свойство субъектов права, уже много столетий является объектом исследований, выходящих далеко за пределы правовой науки, и, очевидно, еще многие столетия будет им являться. В рамках данной статьи представляется возможным лишь обозначить тот факт, что появление ИИ станет очередным, а возможно, и переломным рубежом философско-правовых исследований. Что же касается проблемы правового регулирования отношений, связанных с функционированием ИИ, то она может быть

решена относительно просто и неожиданно – в тот самый момент, когда ИИ сам создаст для себя логически непротиворечивое правовое регулирование.

Библиографический список

1. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН, 2017. № 6 (55). С. 46-62.
2. Кант И. Сочинения в 4-х т. – М.: Мысль, 1994-2001.
3. Маркс К. Временный Устав Международного Товарищества Рабочих // «Address and Provisional Rules of the Working Men's International Association, Established September 28, 1864, at a Public Meeting held at St. Martin's Hall, Long Acre, London » - London, 1864.
4. Наумов В.Б., Незнамов А.В., Смирнова К.М. Развитие законодательства о робототехнике и киберфизических системах // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: Сб. науч. трудов / Под ред. Поляковой Т.А., Наумова В.Б., Минбалева А.В. М.: ИП РАН, 2018. С. 52-64.
5. Сурагина Е.Д., Ибрагимов Р. Гуманитарный подход к регулированию искусственного интеллекта // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: Сб. науч. трудов / Под ред. Поляковой Т.А., Наумова В.Б., Минбалева А.В. М.: ИП РАН, 2018. С. 210-231.
6. Чубукова С.Г. Система субъектов информационного права: теоретические аспекты // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: Сб. науч. трудов / Под ред. Поляковой Т.А., Наумова В.Б., Минбалева А.В. М.: ИП РАН, 2018. С. 113-137.
7. Шевцов С.П. Метаморфозы права. Право и правовая традиция. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
8. Яценко В.А. Теория искусственного интеллекта (основные положения) // Математичні машини і системи. 2011. № 4. С. 3-19.

И.Канта о праве, но и Г.Гроция, Ж.-Ж.Руссо, Т.Гоббса, Д.Локка, Г.В.Ф.Гегеля и многих других выдающихся мыслителей – прим. авт.

¹¹¹ Шевцов С.П. Метаморфозы права. Право и правовая традиция. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014, с. 172.